

* Окончание. Начало — 2009. № 4 (30)

ПОД СЕВЕРНЫМИ СОЗВЕЗДИЯМИ

По страницам полярного дневника*

В. П. Евладов

5 февраля. 1936

Прибыл ко мне гонец с письмом из Тамбея от Национального Совета с известием, что с мыса Таран пришла весть об исчезновении научного работника Сигизмунда Сильвестровича Луня и его спутника Широких. Они еще в ноябре выехали из Тарана на остров Шокальского на собаках, но и к середине января туда не прибыли. Езды там максимум 3–4 дня (километров 300). Мне поручается снарядить один чум для перевалки через Обь на поиски Луня. Одновременно следует организовать поиски и на нашем, левом берегу. Надо ехать на факторию. Неужели Сигизмунд Лунь оторвался на льдине и ее унесло в море? Льдину могло прибить к нашему берегу. Но тогда он как-нибудь добрел бы к нам...

6 февраля. 1936

Выехал на факторию. Послал гонца в богатый чум Хаттибе Вененга, чтобы он явился ко мне на факторию.

7 февраля. 1936

Хаттибе явился. Я сказал ему, что надо искать двух пропавших русских, а у него много оленей. От имени Национального Совета я попросил его помочь. Он сразу согласился, решил выделить из стада крепких быков, легкий чум и послать его через Губу на Явайский полуостров для поисков.

12 февраля. 1936

Съехались ко мне 15 нарт. Я сообщил о несчастье, предложил всем при выездах на капканы к морю тщательно осматривать все льдины, особенно новые, приходящие с другой стороны Губы или с моря: нет ли следов нарты, кусков дерева, упряжки. О малейшей находке мне сообщать. Все отнеслись с искренней тревогой и обещали выехать завтра.

13 февраля. 1936

Постоянно обдумывал меры спасения Луня и Широких. Быть может, они на ледяном поле, где-то в огромной полынье Карского моря. Если прошли Белый остров, возврата нет. Хорошо, если ружья и

патроны при них, тогда, возможно, проживут на льдине месяца 2–4, а там будет лето, льдина растает. Надо вызывать самолет. Это можно сделать только с Белого острова, там радиостанция. Стоит ли поехать в Тамбей, чтобы оттуда снестись с Белым? Нет, от меня ближе к Белому, чем к Тамбею, и на Белом радиостанция сильнее. Надо ехать на Белый.

14 февраля. 1936

Выехали на Белый. Някоче решил меня сопровождать. Весь промысел передали Манзу. Наш путь лежит на запад, вдоль пролива Малыгина, по чумам Северного Ямала. Я послал вперед гонца найти чум Нгедруя Ядне в северо-западном углу Ямала. Ранее он стоял на реке Пайндте. Там его надо искать и теперь. Я был у него, установил с ним тесную дружбу, а это — содействие экспедиции, он поможет.

15 февраля. 1936

Поземка. Холод. Сильно промерз в малице и гусе. Видно, они стали у меня староваты, плохо сопротивляются зиме. Ехали часов 10, один раз пили чай в попутном чуме. Найдем ли чум Ядне? Нашел ли его мой гонец? Здесь, на Лапта-сале, других чумов нет. Если не найдем, то где ночевать? В снегу? В «куропачьем» чуме, как говорят северяне... Голодно, хочется чаю, мерзлого мяса и рыбы... Все это очень далеко от нас сейчас. Ненцы с собой даже хлеба не берут — плохая примета. Олени сильно устали. Ночь застала нас в пути...

Эх, Ямал, Ямал! За что я тебя полюбил? Что гонит меня от семьи, от уютной квартиры в снежную пустыню, в лютый мороз, где мечтаю о куске мерзлого мяса, горячем чае в дымном чуме? Что гонит меня сюда? Деньги? Зарплата ничтожна, на Большой земле я могу заработать вдвое больше преподавательским или другим трудом. Люди? Да! Люди! Вот эти темные люди, кочевники. Их честность, исключительное благородство, инстинктивная коллективная помощь, готовность поддержать в беде. Их надо просветить, «привить им мотор», облегчить их труд и жизнь. Мне

надо быть с ними и работать для них. Мало кто знает о моей работе здесь. Кричать о ней я не умею и не буду. Дорогу сюда я и сыновьям покажу, а дальше пусть сами решают...

Остановка. Някоче Езынги что-то осматривает в снегу. Я остановился, привязал оленей к нарте, подошел.

— Гайво Хориче!¹ Манекерт! Смотри, костер был недавно.

— Кто же это стоял?

— Не знаю, сейчас будем искать, куда ушел...

Он скрылся в мутной мгле. Что он может найти в пустой тундре? Я долго ждал. Вот пропадет человек в метели, и я останусь один с двумя нартами и неизвестно где. Но никогда не бывало, чтобы в тундре пропал ненец. А все-таки? Куда бы я поехал? Не знаю...

— Гайво Хориче! — раздалось из мглы. — Хасуо! (поехали).

— А куда поедем?

— Иди сюда. Вот место костра! — показал он на снег. — А вот стоит около него палочка. Я долго искал вторую палочку, чтобы узнать, в какую сторону ушел чум. Она упала в снег, а я ее все-таки нашел. Это старик Ядне нам показал, куда он скачвал. Теперь знаем, куда ехать.

Мы снова поехали каждый на своей нарте. Метель, едем в темноте, по безбрежной плоской тундре. Проехали с час. Опять остановка.

— Куда приехали?

— Чум, вот смотри!

Я присмотрелся. Мы у чума! Он занесен снегом. Собаки не лают — значит, они в чуме.

Быстро отпряг оленей. Это и есть чум Нгедруа Ядне. Сколько удивления и радости проявил старик, увидев меня! Он не знал, куда меня посадить: и шкур подбросил, и ящичек для сидения поставил, и мяса и рыбы велел принести.

16 февраля. 1936

Вчера на эту стоянку прибыл наш гононец. Чум подвинулся к северу, чтобы быть ближе к проливу Малыгина для поездки на Белый остров. Сегодня хозяин готовил нарты, подгонял сбрую, наметил оленей. В проводники нам он дает сына Паале. Тот опытен в езде на Белый. Надо три нарты. Паале уже однажды сопровождал меня на Белый остров, это было в 1928 году. Тогда было лето. Мы пересекли про-

лив Малыгина на лодке и жили на острове несколько дней. Сейчас предстоит трудная дорога, она страшит и старика. Священный Белый остров внушает ему невольный страх...

17 февраля. 1936

На рассвете выехали на трех нартах: Някоче Езынги, за ним Паале Ядне, наконец, я. Мороз не более 30 градусов, но ветер с юго-юго-запада, вдоль берега Ямала, срезающий от берега плавающие льды. Выехали на лед пролива, торосы, сначала небольшие, скоро начали повышаться. Первые льдины в полметра высоты к концу третьего попрыска сменились пяти- — восьмиметровыми. Кончился четвертый попрыск, торосы повысились. Они так нагромождены, что трудно ехать. Паале подозрительно озирается по сторонам. После четвертого попрыска я спросил его, широк ли пролив здесь. Он ответил — скоро земля. Мы, должно быть, у берега Белого. Но почему повысились торосы? Будто мы едем в море, а не к земле — странно... Едем пятый попрыск. Торосы все выше, все теснее. Нарта лезет на них и боком, и дыбом, а с них — почти кувырком. Все время приходится соскакивать с нарты и, проваливаясь между льдин, поддерживать. Не сломать бы ногу в тесной трещине. Кончили пятый попрыск. День склонился к вечеру. Торосы поднялись до 15—20 метров, мы вылезли на высокое нагромождение, чтобы осмотреться. На торосе — свежие следы песцов и белого медведя.

— Почему так долго нет земли? — спросил я.

— Не знаю... — ответил Паале.

Я смотрю на компас и соображаю: едем все время строго на север, а надо бы на северо-восток. Должно быть, остров остался справа от нас, и мы едем мимо.

Начали шестой попрыск. Через полчаса нарты впереди остановились. Я подъехал, подхожу к Паале и Някоче — в чем дело? Мы только что спустились с огромного нагромождения льдов, метров тридцать высотой. Перед нами — ровная гладь километра на два-три. Паале и Някоче стоят у кромки этого поля. Я пытаюсь выйти на ровный лед, но Паале хватает меня за рукав и испуганно говорит:

— Куда идешь?! Нельзя...

— Почему нельзя? Ровный лед, ехать надо скорей, ночь близко.

¹ Ненцы называли В. П. Евладова «Гайво Хориче» (Лысая голова) и «Ямал Харюти» (житель Ямала).

– Нельзя ехать...

– Как нельзя? Почему?

– Югу! – с отчаянием говорит Паале.

Не знаю такого слова. Приехали к ровному месту, и нельзя ехать дальше. Что за ерунда?

Паале объяснил, что этого ровного льда утром еще не было, а была здесь чистая вода. За день покрылась тонким льдом, и на него осел пушистый иней, который и создает видимость крепкого ровного льда. Оказывается, мы доехали до чистой воды.

С юга усилился ветер, он может срывать лед. Нас легко может оторвать теперь от берега совсем. Скверное дело...

Паале дорогу потерял. Он не знает, куда ехать. Приходится «проводничить» мне, ориентироваться по компасу.

– Теперь я буду проводником, – и показываю строго на восток, то есть на 90 градусов от нашего прежнего курса.

Поехали на восток. Торосы в густые сумерки кажутся еще выше. На небе загораются звезды. Кончили небольшой попрыск. Спустилась ночь. Ну, думаю, отчаиваться не надо, поедем вперед этим же курсом. Ночь, хочется спать. Ехать по торосам теперь еще опаснее. Вдруг передняя нарта полезла куда-то высоко вверх. За ней и вторая. Я вылез с нартой на гору. Впереди – равнина. Мои спутники привязали оленей к нартам, и Паале весело сказал:

– Земля, начальник!

– Где земля? – спрашиваю.

– Вот она! – сказал он и потоптался на месте.

Тундра! Родная, желанная! Значит, это остров Белый.

– Скоро приедем, – говорит Паале.

Парень теперь снова ориентировался верно. Мы поехали по ровной тундре, но не быстро, так как олени сильно устали. На остановке через час езды Паале сказал:

– Смотри, Гайво Хориче, впереди огонь!

Я присмотрелся. Действительно, впереди едва заметный огонек.

– Ты им скажи, в русском чуме, чтобы они нам дали спирта немножко, – попросил Езынги и показал мизинец.

– Не знаю, какой народ там, – ответил я, – может, ничего не дадут...

Иной раз не знаешь, чего ждать от цивилизованных людей, это, к сожалению,

не ненцы... Быть может, встретят, как в 1929 году встретили меня на пароходе «Прибой» – жидким чайком с галетками, когда так хотелось есть.

Мы поехали вперед. Еще два попрыска пришлось сделать, прежде чем показались дома со светящимися окнами. Ба! Да у них электричество! Мы подъехали к большому дому. Рядом другой. По фасаду – окон 10–12. Вдруг зажглись яркие фонари. Олени в испуге шарахнулись в сторону, но они были уже привязаны к нартам.

Из дома выскочила фигура в малице и крикнула: «Самоеды приехали! Самоеды приехали!»

Мы вошли в сени, освещенные яркой лампочкой. Встречавший радушно открыл дверь. Я вошел первым. Человек пять зимовщиков окружили Някоче и Паале, которые были уже без малиц и озирались, ища глазами меня.

– Здравствуйте, товарищи! – громко сказал я. – Прибыл из Дровяной – Евладов...

– А! Евладов! А мы-то ждали вас с самой осени! – сказал кто-то. – Нам сообщили из Тамбея по радио, что вы собираетесь к нам приехать.

Комната удивила меня чистотой, полированными вешалками, электроплафонами, линолеумом во весь пол. «А кто начальник станции?» – спросил я.

Оказалось, начальник радиостанции острова Белый Илья Александрович Сидорин.

Из соседней комнаты вышел пожилой, гладко остриженный, массивный человек.

Зимовщики расступились.

– Здравствуйте, Илья Александрович, я научный сотрудник ВАИ Евладов, зимующий на Дровяной. Разрешите воспользоваться ненадолго вашим гостеприимством, пока придет ответ из Москвы на телеграммы, которые я дам.

– Нет, нет, на короткое время мы не согласимся. Вы у нас поживите... Товарищи, распорядились насчет ужина? – спросил он, обращаясь к своим зимовщикам.

– Да, да, – ответила молодая женщина.

– Прошу, товарищ Евладов, малицу на вешалку. Зачем вы кладете ее на пол? – сказал Илья Александрович.

– Позвольте уж мне не менять привычек. В чумах она всегда лежит на полу.

Я боялся повесить мою малицу рядом

с другими одеждами, так как в ней, к сожалению, были насекомые. Все три «самоедские» малицы остались на полу.

– Проходите, Владимир Петрович, с дорожки надо закусить. Наверное, устали.

– Минуточку, есть портвейн, – сказал один из зимовщиков.

конец, началась предвыборная компания кочевых советов.

– А теперь что изменилось?

– Я приехал экстренно. Случилось большое несчастье. Пропал научный сотрудник ихтиологической экспедиции Сигизмунд Сильвестрович Лунь со спут-

– Позвольте мне угостить приезжих товарищей мадерой, – сказал другой.

...Столовая – с белыми оштукатуренными стенами, с красивыми бордюрами, посередине массивный длинный стол под белоснежной скатертью, буфет, около него на маленьком столике большой никелированный самовар. Но что меня поразило – в углу радиоаппаратура. Чудесный заморский приемник, усилитель, динамик, много других приборов. Все смонтировано в образцовом порядке. Здесь, вероятно, слушают весь мир и в любое время. Счастливы! А мы на Дровяной – в отрыве...

На столе колбасы, сыр, масло, окорок, рыба. Приборов 15 штук.

Мои спутники явно заробели, они скромно сидели рядышком, с живописно торчащими во все стороны волосами и двумя косичками, в русских рубахах с оленьими волосами от малиц. Их лица были красны от ветра.

Меня наперебой спрашивали со всех сторон – как живем на Дровяной, удобно ли ехать на нарте, быстро ли бегут олени и прочее, прочее.

– Почему вы так поздно приехали, Владимир Петрович, только в феврале? – спросил Илья Александрович.

– Надо было устраиваться на новом месте, потом заниматься промыслом. На-

ником. Я приехал сюда, чтобы на поиски вызвать самолет из Москвы.

Илья Александрович вызвал дежурного радиотехника и предложил сейчас же передать мои телеграммы в Главсевморпуть. Я быстро их написал.

– Гайво Хориче! – позвал Някоче.

– Что, друг? – спросил я его.

– Когда за тобою приехать, скажи? Мы поедем обратно.

– Зачем же? Ведь вы устали, немного пьяны, как поедете? – я опасался, что они заблудятся.

– Вот и хорошо, немного пьяны, ехать будет тепло.

– А почему же не ночуете? Ведь очень далеко. Мы ехали долго.

– Да олени-то целый день не ели и сейчас не едят. На Белом ягеля совсем нету, надо скорее ехать в чум.

Какую тяжелую работу они совершают ради меня, и никто из них не заикнулся об оплате, подумалось мне.

– О чем вы говорите? – спросил Илья Александрович.

– Они спрашивали, когда за мной приехать – через сколько дней? Сейчас хотят ехать обратно. Чум, который меня привез сюда, спустился специально с хороших ягелей к проливу Малыгина, где почти нет зимнего корма для оленей. Олени этого чума, около четырехсот, пасутся почти без

корма, я не могу задерживать своих спутников. А олени, на которых мы приехали, голодные весь день. Они и сейчас не едят.

— Да что вы, Владимир Петрович! Олени и на вашу жизнь влияют, как на жизнь чумов? Вы, видимо, слились с тундрой?

были доктор Умова, оживленная и внимательная к окружающим; Николай Николаевич Комов — заместитель начальника острова, синоптик-челюскинец, задумчивый человек, лет тридцати. Его жена — Ольга Николаевна, тоже челюскинка, синоптик, жизнерадостная молодая женщина. Радио-

— Да, Илья Александрович, стараюсь доставлять как можно меньше неудобств моим друзьям-ненцам.

— Ну все-таки поживите у нас.

— Сколько времени нужно, чтобы получить ответ из Москвы?

— Да не более 2–3 дней.

— Ну вот, я еще накину для запаса 2 дня и через 5 дней выеду...

— Някоче, Паале, — сказал я ненцам, — пять дней пройдет, на шестой приезжайте.

18 февраля. 1936

Меня разбудил яркий свет в комнате. Солнце уже взошло. Я выглянул в окно. Оно было совершенно свободно ото льда — не как у нас в Дровяной. В комнате была ровная температура — градусов 16. «Как живут, — думал я, — ведь вот тоже зимовка, нашей же системы Главсевморпути. А как отличается от нашей!»

Зимовка просыпалась. Я умылся, углубился в книги на этажерке. Здесь справочники по радио, беллетристика, академические издания.

В комнату вошел Илья Александрович.

— С добрым утром, Владимир Петрович! Пожалуйста к завтраку. У нас распорядок по «рынде» (морское название колокола).

Мы вышли к столу. Илья Александрович стал знакомить с зимовщиками. Это

техник Москвин. Кроме них — механик, метеоролог, инженер и другие. Были и дети начальника острова Сидорина, малыши — полутора и трех лет.

— Наш повар Миша, — говорил Илья Александрович, — помощник главного повара московской гостиницы.

— Это не все, — сказала Ольга Николаевна, — он еще и художник, вот на стене его картина.

На стене висела довольно большая картина «Гибель Челюскина», написанная масляными красками. Миша был с нами за столом. Очередная вахта находилась на дежурстве. Всего зимовало 19 человек. Слушали известия из Москвы. Речь шла о стахановском движении, охватившем всю страну; сообщали также о боях у озера Хасан, это была агрессивная вылазка самураев.

Меня удивило, что за завтраком подавали молоко, которого я не видел около года.

— Откуда эта редкость?

— Как откуда — от коров. С нами приехали две коровы.

Меня наперебой спрашивали о тундре, о жизни ненцев, об оленях, песцах.

— Мы здесь ничего не знаем об окружающих нас кочевниках — ненцах. Осенью приезжали к нам два охотника и сейчас с вами еще два — вот и все...

— Да, маловато, — соглашался я.

После завтрака Илья Александрович повел меня по зимовке показать рабочие места.

Радиостанция прекрасно оборудована. Днем и ночью тут следят за арктическим эфиром; севернее этой станции расположены лишь мыс Желания на Новой Земле

– А какие у них болезни? Расскажите.

– Главная – чесотка.

– Какой ужас!

– Да! Это настоящее бедствие! Потом – ревматизм. Гельминтоз, от паразитической микрофауны. Рыба, дикие утки, собаки, олени, а за ними и чело-

да бухта Тихая на Земле Франца Иосифа. Эфир над Карским морем загружен: Маточкин Шар, Югорский Шар, остров Вайгач, Марра Сале, Новый Порт и еще Тамбей с Ямалом. В восточной части – Диксон, Мыс Челюскин, Усть Порт и Игарка. Все это сносится между собой в единой бассейновой сети Карского моря.

Около дежурного радиста стояла шахматная доска. Радист Москвин переставлял фигуры, видимо, что-то решал.

– Задачами занимаетесь? – спросил я.

– Нет! У нас идет бассейновый турнир Карского моря, мне надо через 2 часа передать ход в бухту Тихую на Землю Франца Иосифа.

– Надеюсь, после работы попробовать наши силы, – сказал я.

Мы осмотрели синоптическую будку, ветровой двигатель, при помощи которого станция заряжает аккумуляторы, сберегая топливо механической установки. В Арктике мало безветренных дней, ветры дуют часто и сильно, и использование ветровых двигателей уже давно привлекает внимание. О пользе их я докладывал О. Ю. Шмидту. Электросвет на зимовках – осуществление моей мечты.

Зашли в медчасть к доктору Умовой.

– Как жаль, что вы так далеко от нас. В ненецких чумах нет никакой медицинской помощи, – сказал я.

век сплошь поражены разнообразной гельминтофауной. Я хочу обратиться к правительству, чтобы организовать передвижные дегельминтизационные пункты. Медицинским работникам – широкое поле деятельности.

– А венерические?

– Нет, совершенно.

– Неужели? Мне многие говорили, что в тундре сплошной бытовой люис.

– Не верьте. Со всей ответственностью утверждаю – тундра чиста.

Другое дело, южнее Салехарда (Обдорска), где местное население ежегодно издавна соприкасалось с пришлыми русскими рыбацкими караванами. Там – да! Перешедшее в бытовое бедствие заражение.

Пока мы ходили по помещениям, многие зимовщики задавали вопросы. Сначала я отвечал очень подробно, потом – лаконично. Рассказывал о нашей Дровяной, проводя параллель с Белым островом, о трудных условиях нашей зимовки.

После обеда я был приглашен в комнату Комовых. Оба награждены орденами Красной Звезды. На «Челюскин» приглашены с Чукотской зимовки, где были учителями народных школ. Сюда прибыли на два года, удачная арктическая карьера. У них квартира в Москве. После зимовки полугодовой отпуск в Крыму, за-

тем сборы на новую зимовку. За два года зимовки у них остается порядочно денег, чтобы хорошо отдохнуть. У меня так не получается, пока я зимую, семья расходует все мое жалованье...

Комовы снова закидали меня вопросами о жизни ненцев.

К этим зимовщикам обращено внимание главка, правительственного и партийного руководства. Для них радиостанция «Коминтерн» дает концерты лучших сил Москвы. Они – на виду. С ними разговаривают по радио родные. Почетная работа в Арктике.

Однако местное население, пребывающее в тяжелой борьбе со стихиями Заполярья, заботы о себе не чувствует. Там, в дыму костров, в мрачном завшивевшем чуме, в беспросветной нужде и лишениях, там она, северная работа, необходимая, малозаметная и самая тяжелая. Ее ведут немногие энтузиасты. Я принадлежу и буду принадлежать к их числу. И в оленьем краю останусь среди обездоленного народа. Быть может, сколько-нибудь помогу ему скорее овладеть светом знаний, грамотностью, культурой.

19 февраля. 1936

На собрании зимовщиков сделал доклад на тему: «Ямал и его население». Отметил низкую ступень развития ненцев, отсутствие культурных навыков, полную неграмотность в северном конце Ямала.

Очевиден контраст жизни в чумах с жизнью зимовки на Белом. Я призвал коллектив Белого включиться в культурно-массовое и лечебное обслуживание чумов Северного Ямала. Доклад вызвал

горячий отклик среди всех зимовщиков. Доктор Умова выразила желание поехать в чумы, механики предложили завтра же приступить к изготовлению железных печей для чумов по моему чертежу, радисты решили радиофицировать нашу факторию Дровяную. Начальник остро-

ва Сидорин сказал, что зимовщики радиостанции обязаны вести культмассовую работу среди местного населения. Что и где нужно делать? Как приступить к этой работе?

Мне поручили составить план совместных действий Белого и Дровяной по обслуживанию чумов и по организации на Северном Ямале первого колхоза в форме Простейшего Производственного Объединения ненцев. Собрание вышло содержательным. Я же серьезно задумался о путях и способах привлечения сильного коллектива острова Белого для работы в чумах. Разошлись возбужденные далеко за полночь.

20 февраля. 1936

Николай Николаевич Комов решил ехать со мной на факторию, врач Умова – по чумам, потом и начальник острова Сидорин направится к нам, выезжает также для установки радиопередвижки радиотехник Москвин.

21 февраля. 1936

Сегодня целый день радиогруппа готовит радиопередвижку для Дровяной, синоптики и метеогруппа готовят приборы для пополнения моей метеостанции. Доктор готовит медикаменты для ненцев, а начальник станции решил выделить продовольствие для подкрепления нашей фактории. За ужином я сказал, что завтра за мной придут нарты и я должен буду поки-

нуть Белоостровскую зимовку. До сих пор, однако, нет ответа из Москвы.

Сообщений из Главсевморпути о высылке самолета на поиски Сигизмунда Луня и его спутника не поступало. Мы снеслись с окружающими радиостанциями, дали сообщение на мыс Желания (Но-

ку и предвкушал удовольствие слушать новости и концерты среди сугробов.

Николай Николаевич никогда не ездил на оленях в длинный путь, ему были интересны приемы управления четверкой оленей при помощи одной вожжи и длинного тюра (шеста).

вая Земля), на остров Диксон, в Русскую гавань и даже на Югорский Шар. Жаль, что нет станции на Земле Франца Иосифа. Неужели льдина уйдет туда? В этом случае Сигизмунд будет искать бухту Тихую и ждать в ней.

Я не мог заснуть от этих мыслей.

22 февраля. 1936

Утро принесло ветер, постепенно усиливающийся.

– Владимир Петрович! – сказал Илья Александрович. – Вы сегодня не поедете – начинается метель.

Все надеялись, что нарты не придут, так как к вечеру метель разыгралась. Однако часам к 18-ти мои «орлы» Някоче Езынги и старший сын Нгедруя Ядне явились.

– Гайво Хориче! – обратился ко мне Езынги. – Мы сегодня не плутали и доехали скоро.

Мы начали последние сборы и часов в 10 ночи выехали на трех нартах с гостеприимного острова на Ямал.

Впереди ехал Ядне, за ним Езынги, на третьей нарте я – кучером, а Комов пассажиром. Доктор Умова поехать не смогла; Комов поехал осмотреть нашу зимовку, метеостанцию, которая его интересовала как синоптика. Дул порядочный ветер, низовая метель. Выехали, нагруженные всякими посылками. Я вез радиопередвиж-

Ядне, ехавший впереди, налетел на какой-то столбик и переломал нарту. Комов стал уговаривать нас вернуться на станцию, переждать метель.

– Но мы уже отъехали километров на 20. Скоро будет половина пути, зачем же возвращаться, ведь на станции нет запасной нарты, – возражал я.

Ядне выпряг оленей, привязал их к нарте Езынги и сел на нее.

Вскоре вторая нарта затрещала на жестких застругах и развалилась, как первая. Мы опять остановились. Теперь наше положение сделалось трудным. Ехать вчетвером на одной нарте невозможно. Оленям и двоих везти тяжело. У нас же еще и порядочный груз. Что дальше?

Я внес предложение: остаться троим здесь и лечь спать в снегу, а Ядне отправится в свой чум, сменит оленей и вернется за нами на трех нартах. Это займет 8–10 часов, зато мы приедем туда, куда хотим.

– А если Ядне заблудится или погибнет в пути? – спросил Николай Николаевич.

– Почему погибнет? Это невозможно, – сказал я.

– Нет, надо вернуться, – настаивал Николай Николаевич. – Жаль, мы этого не сделали раньше.

– Что вы! Ну, вернемся, а дальше что?

Вы пребудете домой, а мы? Нам же надо ехать в свои места.

Видя, что Николай Николаевич непреклонен, я предложил ему вернуться с проводником, а мы отправимся дальше.

— Как же вы отправитесь? Пешком? Без нарты? Это невозможно, вы же погибне-

боты, а русской, вроде охотничьих санок на широких полозьях. Езынги занялся починкой. Полозья целы, остальное можно связать. Через час он окончил починку.

Я всегда удивлялся искусству ненцев чинить поломанные нарты с помощью

те! — сказал он. — Медведи — их так много шатается здесь на острове. Нет, я решительно не согласен вас оставлять.

— Поверьте же! Мы в тундре как дома, у нас продуктов сейчас много. Кроме того, у нас восемь оленей, попробуем нарту исправить.

Я неоднократно наблюдал, как ненцы передвигаются без нарты. Они привязывают к постромкам шкуру оленя, на нее кладут груз, а сами идут пешком. Я так и решил сделать. Если бы мы были в Енисейской тундре, где эвенкийские олени приучены к вьюку, то тогда мы проще бы вышли из этого положения. Но ненецкие олени под вьюком не ходят. Я начал устраивать волокушу.

Николай Николаевич, видя мою решительность, согласился.

Мы проводили его нарту.

Итак, устроили с Нягоче Езынгой груз на шкуре, прикрепили его арканом, сложили сверху наши гуси и тронулись в одних малицах. Скоро пот заструился со лба. Езынги ведет оленей, я поправляю груз, который валится набок при движении и тормозит. Стало совсем светло.

— Посмотри, что-то впереди видно в снегу, у берега моря, — сказал Езынги. — Может, лодка кем оставлена?

Подожли, стали откапывать. Вот и нарта, только странная, не ненецкой ра-

ремней и ножа. Другой раз кажется, что нарта разбилась вдребезги, но они поворачиваются час или два — и готово.

Мы положили на нарточку багаж.

— Ну, трогай, а я пойду вперед, — сказал я, когда он запряг четверку оленей и привязал остальных сзади.

— Куда пойдешь? — ответил он. — Садись!

— Что ты, ведь нарточка опять сломается, да и сесть-то больше некуда.

— Садись здесь, сзади груза, — указал он, — держись за веревку.

Олени тронулись. Я считал, что не проедем и 100 шагов, как нарта сломается, но вместо этого Езынги шикнул на оленей, они побежали рысью.

Солнце взошло довольно высоко, тундра искрилась, видимость была беспредельная. Вдали сверкали торосы пролива Малыгина. Там на них наш экипаж, конечно, рассыплется, но до торосов еще километров 10 — все ближе к чуму.

День перевалил к вечеру, когда показался чум. Около чума люди. Заметна какая-то тревога.

«Что такое?» — подумал я. Навстречу бежал старик Нгэдруй Ядне. Старику не меньше 80 лет. Седые волосы не покрыты, ветер треплет их. Спотыкается.

— Гайво Хориче! Где же мой сын Сэук? Где нарта его? Где олени?

– Не тревожься, все хорошо! У нас сломались две нарты. Он повез русского со станции обратно.

– У него нарта есть? – спросил он.

– Да, есть.

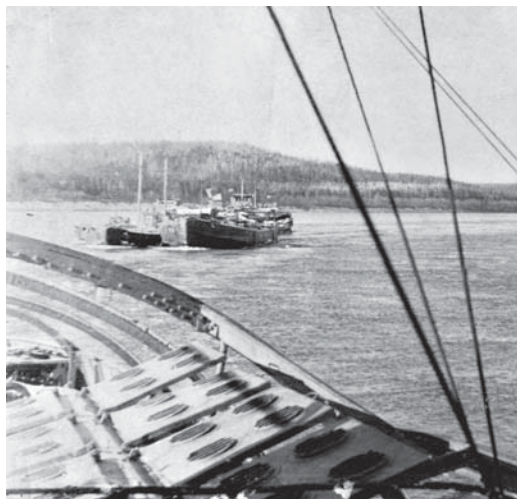
– И олени все целы?

– Да, и олени целы.

ляют вытирать кровь, говорят: «Не тронь, не тронь... Синга нидиберт... (цинга не терпит)».

24 февраля. 1936

День опять выдался ясный с небольшим морозом. Я ходил с пастухами «в оленях», наблюдал стадо. У старика Нгэдруя

Мы подъехали к чуму. Я вынул гостинцы и водочку с Белого...

А потом подъехал Сзук и рассказал, что довез русского до станции и сразу же повернул обратно.

23 февраля. 1936

Я не мог отделаться от чувства досады, что выезд Комова на нашу зимовку оказался сорванным поломкой двух нарт. Задумал привезти Комова, но уж силами не этого чума, а другого. Поэтому после чая мы с Езынги отправились в соседний чум. Там я снарядил две нарты, написал записку и пригласил Николая Николаевича. Посланный уехал, а мы вернулись. Нгэдруй Ядне и его хлопотливая старушка всегда искренне рады, когда я приезжаю. Знаком я с ними больше 10 лет. Вот и сейчас Нгедруй встречает меня свежеебитым оленем. Когда-то я безуспешно пытался прожевать маленький кусочек сырого мяса. Теперь, как старожил, макнув хороший кусок мяса – граммов на 500 – в кровь, быстро схватываю его зубами и подрезаю снизу у самого носа острым ножом. Пока рука с ножом опускается вниз, отрезанный кусочек проглочен. За ним следует другой и так далее.

Прочие закусывающие сидят рядом со мною, поджав под себя ноги, и проворно действуют ножами. Свежая кровь мажет щеки, капает на малицу. Ненцы не позво-

оленей меньше, чем было 10 лет назад. Теперь у него 250 оленей, а было много больше. Он выделил сына Паале и отдал ему голов 200. Ушел от него и старший сын, и ему старик отдал голов 200; их чумы кочуют вокруг старика. Сирот, о которых заботятся в тундре, он считает тоже своими сыновьями. Выделил им 200 оленей.

К вечеру приехал Комов. Он был рад, что я за ним послал. Николай Николаевич с большим интересом присматривался к быту ненцев и расспрашивал меня об их обычаях. Я рассказал историю этого хозяйства. Легли мы поздно.

25 февраля. 1936

Раненько утром отведали чайку с белоостровскими «подорожниками», а я еще с мерзлым сырым мясом, чем привел Комова в удивление. Отправились на факторию Дровяную.

– Смотрю на вас, Владимир Петрович, и удивляюсь, – приговаривал он. – Вы так привыкли к тундре, к ее быту, что не отличишь от местных. В чуме вы как дома. А ведь тут тяжело живут.

До фактории мы в этот день не доехали. Заночевали в чуме Тероку Вэнэнга.

25 марта. 1936

Большая нужда в лодках. Летом с фактории Дровяной приливом далеко унесло лодку-калданку и выбросило на берег.

По обычаям ненцев, что выбросило море, то не принадлежит никому, и нашедший такую вещь считает ее собственностью. Так ненцы поступают с дровами, с плавником, с остатками разбитых кораблей.

Фактория предложила найти унесенную ветром лодку и купить ее – желаю-

души зимовщиков, занесенных снегом, покинутых солнцем. Вот несколько радиogramм.

Тобольск. Теруправление

Имеем второй случай цинги... пекарь Сухоруков... вторая стадия... начинаем давать хвойный экстракт, сырое мясо.

щих много. На этой почве возникли раздоры. Она оказалась необходима многим, так как переезжать реки с чумом без лодки невозможно. В тундре не хватает порой самого необходимого.

...Я читал корреспонденцию о посещении Председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым Мосторга. Он остался очень доволен ассортиментом товаров, их качеством. Думал ли он, что за 8000 километров от столицы на Ямале есть тоже магазины, куда сплавляют всякий хлам, а хорошие, нужные ненцам товары – в микроскопическом количестве. Тяжким трудом даются деньги местному населению, но нужных вещей в магазинах нет.

Ненец Езынги Някоче нынче заработал за зиму около 10 000 рублей, Санер Солиндер – 8000, Лонг Ядне – около этого. Требования на товары резко увеличились. Я это предвидел и по мере возможностей завозил товары с запасом и следил за их качеством. А в Москве новые начальники упрекали меня в заговаривании, в неумении «считать казенные деньги».

13 апреля. 1936

Потайка снега и капель. Открыли приемопередающую радиацию и начали регулярную радиоработу. Возможность общения с Большой Землей ободрила, обогрела

Пользуемся консультацией врача Умовой. Экстракт имеет возраст полтора года... действует 6 месяцев... Следует завезти новый всем факториям. Евладов тчк

Тамбей. Врачу Тимошенко.

Сообщите телеграммой приезд... если нет... пошлем больного цингой второй стадии. Евладов тчк

Москва. Главсевморпуть.

О. Ю. Шмидту

Невыдача вкладов сберкассой по первому требованию ненцев является крупнейшей политической ошибкой, напоминающей ненцам заготовки оленей 5 лет назад. Расчет не произведен до сих пор. Ответственность за выдачу вкладов по первому требованию несут фактории. Промконтора выслала денег только на дальнейшие заготовки. Считал бы необходимым найти немедленный выход, ликвидировать задолженность с целью не допустить подрыва авторитета госсистемы.

Москва. Главсевморпуть. О. Ю. Шмидту

Рады сообщить: организовано североямальское первичное производственное объединение, 8 хозяйств, 18 членов. Обеспечим хозяйственное укрепление, повышение культурного и материального уровня, поддержку радиоцентра. Белый. Евладов.

Тамбей-гард – местное название нового поселка, что лежит в трехстах километ-

рах южнее фактории Дровяной. Это мое лучшее «детище» на Ямале. В бухте реки Тамбея, где в 1929 году я ходил по пусто-му, безжизненному берегу, выбирая место для постройки пушнозаготовительной фактории и куда в 1931 году привез первые строения, теперь целый поселок. Тут началась жизнь с Кочевым Советом, радиостанцией, школой, больницей, медицинским пунктом, интернатом для детей кочевников...

22 июня. 1936

...Тундра очищается от снега, он ползет в овраги. Речки прорезали себе ходы подо льдом, стремятся к морю. Чернеет береговая полоса воды, пробегает ветровая рябь. А дальше, на море, сплошной белый снег. На горизонте торосы, не тронутые еще дыханием весны. Там, где-то на льдине, блуждающей по огромной полынье, качаются, вероятно, над водою холодного моря тела двух погибших – Сигизмунда Сильвестровича Луны и его верного спутника зверобоя Широких.

Я потерял право спать, когда хочу и сколько хочу, так как на меня «свалилась» радиостанция, я здесь единственный радист. Пришел срок передачи метеотелеграмм на Белый и дальше на Диксон. 6 часов 15 минут, заступаю на вахту...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В дальнейшем дневниковые записи становятся все более нерегулярными, прерывистыми, очевидно, из-за возросшей плотности всяческих дел, которые взвалил на свои плечи Владимир Петрович. Он дождался прибытия в конце лета новой партии зимовщиков, ввел их в курс дела, отправил в политуправление Главсевморпути подробный отчет о своей работе.

«Общий итог зимовки меня удовлетворяет, – резюмировал он. – Нам удалось дружно закончить зимовку, выполнить все планы, не исключая и рыбы (350 центнеров). Новых зимовщиков очень тронула наша подготовка к их первым дням пребывания на фактории Дровяной. За месяц совместной жизни и работы мы постарались передать им наш опыт и традиции взаимовыручки и дружбы, поставили перед ними задачу перекрыть наши достижения. Радует нас и газетное сообщение, что в соревновании факторий наша Дровяная заняла первое место, названа лучшей факторией 1935–1936 годов».

Кроме того, автором полярного дневника была отправлена обстоятельная докладная записка «Об организации геодезических работ в Арктике», адресованная начальнику Главного управления Северного морского пути академику О. Ю. Шмидту, директору Всесоюзного арктического института профессору Р. Л. Самойловичу, а также начальникам подразделений ВАИ – А. И. Зубкову, П. В. Орловскому и другим.

Актом гражданского мужества полярного исследователя стало его письмо, адресованное в 1940 г. Председателю Верховного Совета («Всесоюзному старосте») М. И. Калинину, которое мы публикуем ниже с некоторыми сокращениями. В нем В. П. Евладов помимо деловых предложений снова поставил ряд острых вопросов о ликвидации перегибов, допущенных в отношении малых народов Севера. Письмо было отправлено после того, как с автора сняли обвинение во вредительстве и после пересмотра сфабрикованного судебного дела он через два года вышел на свободу из Красноярской тюрьмы.

Письмо М. И. Калинину,
Председателю Верховного Совета СССР
от В. П. Евладова, 1940 год.
Глубокоуважаемый и дорогой товарищ
Михаил Иванович Калинин!

Это письмо не является личным, оно диктуется мне интересами малых народов Севера, среди которых я проработал 12 лет и теперь по причинам, от меня не зависящим, был вынужден от этой работы отойти.

Немалый опыт работы среди ненецкого населения, ряд материалов своих исследований национальной экономики и быта ненецкого народа, быть может, я еще сумею кому-либо передать; знание ненецкого языка, который я изучил, мне придется унести с собою. Так как Севморпуть замыкается сейчас «на воде», на водной трассе, то он все более теряет интерес к земле, примыкающей к СМП, и населяющим ее народам.

Кто же объединяет и руководит сейчас всем комплексом северной работы?

Я имел возможность длительно наблюдать работу Обдорского и Игарского политотделов среди малочисленных народов Севера, они не оправдали своего существования. На местах, в глубинах тайги и тундры, они не сумели руководить из-за

полного незнания особенностей жизни и быта северных народов.

На полярной зимовке на мысе Дровяном в северо-восточном углу Ямала в 1935–1936 гг. я был поражен полным отсутствием работы среди ненцев со стороны Обдорского политотдела.

...Теперь, отходя от северной работы, я прошу Вас от имени малых народов Севера не ослаблять внимания к ним, к специфической и трудной работе национальных Окружных и Районных Исполкомов и Национальных Советов, к работе Совета Национальностей – депутатов Национальных округов. Просить от имени малых народов Севера я имею право потому, что когда-то вносил предложение о дополнении Проекта Конституции положением о допуске в Совет Национальностей депутатов от Нацокругов.

Быть может, это же предложение вносили и Окрисполкомы, но напечатано оно было в «Правде» за моей подписью. В тексте Конституции оно было принято, и я благодарил письмом Правительственную Комиссию от имени народов Севера.

ВОПРОС 1.

В последний раз я встретился с отдельными представителями этих народов в Красноярской тюрьме в 1938 г., когда их и меня туда бросили возмутительные перегибы в борьбе с «врагами народа». Там, к сожалению, привезенных с Севера, не знающих русского языка, не понимающих смысла ареста полуоседлых промысловиков и кочевников оказалось немало. А так как для них, привыкших к просторам тайги и тундры, привыкших к питанию сырым мясом и рыбой, тюремное заключение с его питательным рационом неизмеримо тяжелее, чем человеку средних широт, то очень многие из них не вернулись на свободу и погибли. Наблюдая кочевников в тюрьме, видя, как буквально на глазах они тают, как свечи, я пришел к выводу, что годичного заключения достаточно, чтобы кочевник навсегда подорвал свое здоровье, двух-, трехлетнее заключение он не переносит, оно для него равносильно высшей мере наказания...

Теперь, после ликвидации этих перегибов, после моего возвращения на свободу (вследствие прекращения дела за отсутствием состава преступления) я считаю своим долгом перед малыми народами Севера поставить вопрос об отмене тюрем-

ного заключения для кочевников как мере пресечения и мере наказания. Я считаю, что Наркомюст (или Прокуратура?) имеет все возможности построить так карательные санкции, исходя из быта, привычек, материального состояния кочевников, чтобы тюремное заключение для них было запрещено, как неизбежно вызывающее смерть.

ВОПРОС 2.

В 1935–1936 гг., зимую на северном конце Ямала, я встретил ряд хозяйств ненцев, имеющих на руках расписки о принятых от них для совхозов оленях, за которых деньги остались невыплаченными до сих пор, так как ГУСМП не унаследовало от бывшего Госторга никаких в этом отношении обязательств. Какую пищу это дает для антисоветской агитации! Я помню – Уральский Обком ВКП(б) раза два назначал сроки ликвидации этой задолженности, и я был уверен, что она ликвидирована давно. А оказалось – нет. Я считаю, что за долги необходимо рассчитаться.

ВОПРОС 3.

В 1927 г., после своей первой экспедиции по Ямалу, я впервые поставил вопрос о создании государственного сектора в оленеводстве, то есть рассадников племенного дела в будущих колхозах, для распространения научных методов ведения оленеводства, создания сырьевой базы для фабрично-заводской переработки продукции. Меня поддержал Комитет Севера и его руководитель П. Г. Смидович. На Обском Севере возник первый совхоз, а одновременно и в Архангельске. К великому моему сожалению, оленсовхозы были переданы из ГУСМП в Наркомзем, и я не мог непосредственно руководить своим «детисцем» – Надымским совхозом.

В 1937 г., приняв от Отто Юльевича Шмидта приказ возглавить, теперь уже на Енисейском Севере, Красноярское Территориальное Управление с резиденцией в Игарке (Крастеруправление ГУСМП), я нашел на Енисее три оленсовхоза – маленькие, убыточные, почти «беспризорные», все вместе они имели только 7 тысяч оленей. Один из них за зиму растерял половину своего стада. Было обидно видеть, что эти совхозы влачат жалкое существование.

Не дайте умереть этой отрасли народного хозяйства, важной для государства и важной для народов Севера.

ВОПРОС 4.

а) Я ставил вопрос об упрощении заготовительного стандарта на песца, белку, горностая и прочих промысловых зверей перед Политуправлением ГУСМП в 1937 г. Насколько мне известно, стандарт не упрощен до сих пор, и когда ненец приносит песца к заготовителю, последний по таблице цен выбирает из 230 позиций одну, соответствующую, по его мнению, именно этому песцу и дает эту цену промышленнику. Надо чтобы сам промышленник мог контролировать продавца-приемщика шкурок.

б) До сих пор в заготовках песца первые сорта (I и II) заготавливаются в меньшем количестве, чем малоценные (III и IV), разница в стоимости – почти вдвое. Причина этого убыточного для государства и промышленника положения в плохой обработке шкур, а также и в биологии песца. Дело в том, что животные на Севере почти поголовно заражены гельминтофауной. В отношении песца дегельминтизация частично решается, по моему мнению, применением отборочных ловушек, добывающих живого зверя без повреждения его. С ранней осени и даже летом эти ловушки должны настораживаться, а уловленный зверь подвергаться дегельминтизации и выпуску на волю. Это дело на первых порах должны вести промыслово-охотничьи станции, а в дальнейшем – колхозы. Я убежден, что первый же год применения этой меры даст резкое повышение выхода первого сорта песца ценою 180–235 рублей вместо 100–120 за шкурку.

в) В планах работ северных организаций и в практическом своем руководстве Северо-Уральским Трестом и Красноярским Территориальным Управлением ГУСМП я ставил вопрос об организации питомников голубого песца. К сожалению, мне не пришлось поработать столько времени, сколько требовалось для организации питомников, так как меня арестовали. Заглохла ли эта идея в Салехарде и в Игарке или питомники голубого песца все-таки открыты – я не знаю. Если же так и не открылся ни один питомник, то я считаю, что это валютное предприятие надо немедленно начинать. Эти питомники также сыграют огромную роль в организации колхозов и оседании северных народов.

ВОПРОС 5.

Мне не удалось закончить конкурса на тему создания нового разборного жилища для кочевников вместо чума, который почти не защищает от холода, а только от ветра и дождя.

Надо дать кочевникам новый тип жилища – теплого, просторного, быстро разбираемого (или блочного), в котором в первую очередь необходимо сохранить их бытовые привычки (костер или железную печку), круглое расположение.

ВОПРОС 6.

Не может не волновать работников Севера вопрос об оседании кочевников. В этом деле ряд перегибов, которые сопровождали в свое время коллективизацию, «перевыполнение» оленезаготовок, борьбу с «врагами народа». С теми перегибами неустанно боролся П. Г. Смидович, разъяснял сущность национальной политики и ее повседневного проведения.

Уже много лет вокруг Гыдаямской фактории стоят полтора десятка чумов бедноты, не способной кочевать из-за отсутствия оленей в необходимом для автономного проживания в тундре количестве. Пора направить сюда сравнительно небольшие кредиты на жилищное строительство, пора перевести эту бедноту в теплые дома из тесных чумов. Такие «поселки» имеются и на Енисее, и в Тазовской Губе, несомненно, есть они и в Якутии, и на Чукотском полуострове. Пора приступить к созданию условий, благоприятствующих оседанию кочевников, объединению в колхозы в форме Простейших Производственных Объединений на прочной экономической базе промыслов и оленеводства.

ВОПРОС 7.

Необходимо признать, что до сих пор мы не имеем на экранах хороших фильмов о быте народов Севера. Теперь есть фильмы, документально отражающие эпизоды освоения Северного Морского Пути, этапы строительства заполярных предприятий, но в них нет народов Севера. А между тем среди этих народов есть подлинные герои, участвовавшие в спасении «челюскинцев» и других, менее крупных по масштабу, но не менее значимых экспедиций.

ВОПРОС 8.

Не могу обойти молчанием большой и трудный вопрос о систематическом, постоянном изучении экономики Арктики, эко-

номики малых народов Севера и их объединений. Этим занимался Комитет Севера (П. Г. Смидович), ЦСУ и отдельные ведомства, а также секция районирования Севера при Госплане СССР. Однако Арктический Институт этим изучением не занимался, хотя и следовало бы. В 1936 г. Правительством был очень своевременно создан Институт Экономики Арктики (Лавров). Но этот Институт, занявшись одной большой неудачной экспедицией на реку Пур (Обский Север), бесславно закончил свое существование на другой же год. Вновь организованный Институт Полярного Земледелия занялся растениеводством в Заполярье, отчасти – оленеводством и рыбным промыслом. Во многом животрепещущие вопросы экономики вне его поля зрения.

Сейчас осталось в системе ГУСМП Бюро Экономических Исследований, но это Бюро сложнейших вопросов северной национальной экономики решить не может ввиду ориентации ГУСМП «от земли на воду». Таким образом, экономические вопросы ушли сейчас в плановые отделы Окрисполкомов. Правильно ли это, своевременно ли? Думается – нет.

Есть огромное количество общих вопросов для всех национальных округов: реконструкция оленеводства, производительные силы Севера, размещение предприятий, сравнительное изучение бюджетов национальных колхозов и отдельных хозяйств, интенсификация оленеводства, реконструкция пушных промыслов, охрана промысловых зверей, акклиматизация новых видов, наконец, то же полярное земледелие в открытом и закрытом грунтах, как цех, как часть целого – общей экономики Севера, и еще многое другое.

Действовавший ранее Институт Экономики Севера был упразднен, а именно ему предстояло систематическое изучение бюджетов колхозов и других объединений, ему следовало практически помочь колхозам через Плановые отделы Окружных Исполкомов построить промфинпланы и так далее. Этого Институт Экономики Севера не сделал.

Мне ясно лишь одно: экономика Арктики и народов этого края требует посто-

янного, сконцентрированного в одном органе руководства.

Задача поставить хозяйство Севера на службу социалистическому строительству нашей Родины, укреплению ее оборонной мощи – в высшей степени важна и многообразна.

Нельзя ли поставить вопрос о воссоздании такого Института, где будут работать специалисты, знающие северное хозяйство и верящие в творческие силы малых народов Севера?

Товарищ Михаил Иванович! Не следует ли создать комиссию для проработки такого вопроса? Пусть эта комиссия с участием северных депутатов Совета Национальностей четко наметит лицо и задачи Института, который объединит направления научной деятельности Института Полярного Земледелия и ряда промысловых и биологических отделов других учреждений – Всесоюзного Академического Института растениеводства и т. д. Уж конечно не в Москве или Ленинграде будет главная его работа, а там – в глубинах тайги и тундры, среди малых народов Севера, помогая им в социалистической реконструкции хозяйства и быта, в повышении экономической значимости Севера в общем балансе народного хозяйства СССР.

Теперь эти окраины получили мощную поддержку в Совете Национальностей в лице депутатов нацокругов. Многообразны и благородны задачи, стоящие перед этими депутатами. К сожалению, я не сумел после реабилитации узнать, насколько вовлечены они в дело быстрого освоения достижений Советской культуры.

Здесь, в Свердловске, где я живу с семьей, нет северных депутатов, нет и северных организаций.

Однако теперь, написав Вам, Михаил Иванович, это письмо, я буду считать свой долг перед малыми народами Севера, перед памятью Петра Гермогеновича Смидовича и многих других, посвятивших Северу свои жизни, исполненным в меру моих сил и возможностей.

Я буду продолжать свою новую, геодезическую работу, ожидая времени, когда снова смогу вернуться к сделавшемуся уже моей второй родиной – Северу и населяющим его народам...

Владимир Евладов